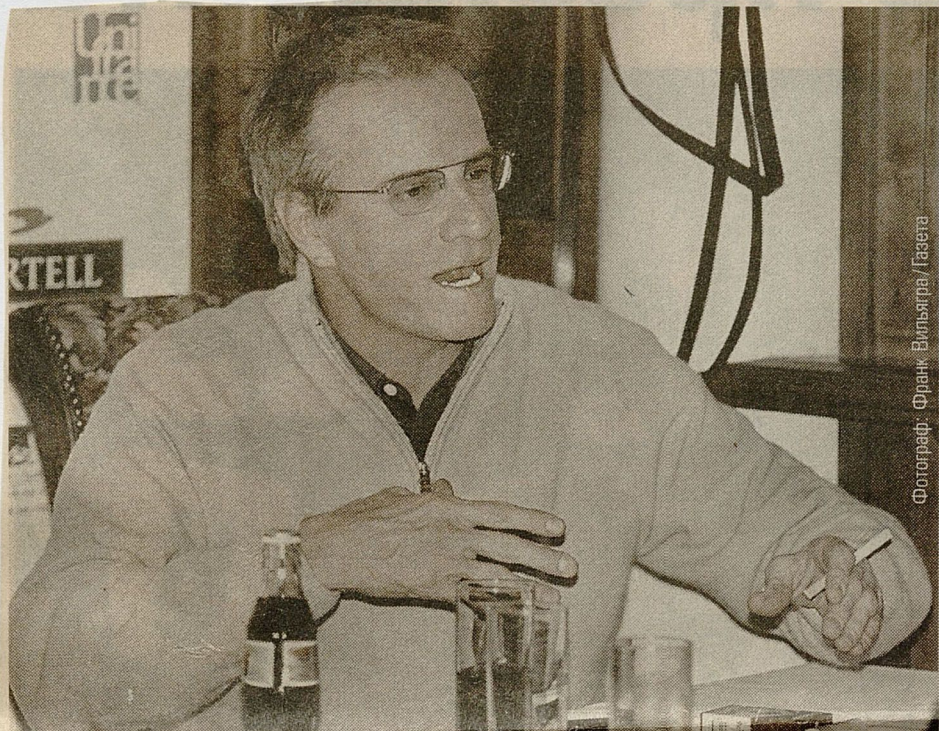

Фотограф: Франк Вильягра / Газета

газета 2004-6 дек - с 1, 13 “ради любви пошел бы на что угодно”

Кристофер Ламберт — Газете

В Москве завершился фестиваль французского кино, на котором была показана последняя картина известного актера Кристофера Ламберта «Точная копия». Там он играет ученого, клонировавшего жену. Своими мыслями по поводу развития современной науки и современного кино Кристофер Ламберт поделился с корреспондентом Газеты Игорем Потаповым.

Ваш персонаж переступает через границы морали из-за любви...

Вот именно! Мой герой идет на эту жертву, потому что иначе он рискует потерять свою любовь: если у его жены не будет ребенка, она может свести счеты с жизнью. Другого выхода у него нет, не то весь его мир в одно мгновение перестанет существовать. Поначалу он даже не думает об этом: просто по стечению обстоятельств мой герой работает со знаменитым генетиком, и тот предлагает ему возможность решения проблемы с помощью клонирования. Но это ведет к ужасным последствиям, причем мой герой видит опасность, но не может даже рассказать жене об этом. Он в ловушке! В этом весь смысл триллера: как вырваться из западни, в которую сам себя загнал?

Вы видели фильм «Другой» с Робертом Де Ниро?

Да, и не думаю, что наш фильм имеет с ним много общего. «Другой» на самом деле не о клонировании: это фильм ужасов, немного старомодный. Идея клонирования там просто повод для того, чтобы рассказать историю об ужасном ребенке, в которого вселился злой дух. Странно. Суть клонирования вовсе не в том, чтобы создать новое существо, а в производстве точной копии того человека, у которого взяли генетический материал. Это история о двойнике. В нашем фильме девочка-клон считает главным врагом мать, то есть свою старшую копию. Поначалу она видит угрозу в отце, которого играю я, но позже осознает, что как раз он — тот человек, которого она любит. А та, другая женщина — не кто иной как соперница, от которой надо избавиться.

Тема клонирования в последнее время очень популярна в кино. Видимо, это модная фобия современной цивилизации. А чего боитесь вы в современном мире?

У меня совершенно точно нет страха перед современными технологиями, хотя я считаю, что зависимость от техники рано или поздно загонит нас в тупик. Наша жизнь

идет к тому, что скоро уже не мы будем контролировать технику, а она нас. Хотя иногда, когда глядишь на людей, которые ходят в наушниках от сотовых телефонов, думаешь, что телефоны их подчинили себе. А всего каких-то двадцать лет назад люди превосходно обходились без мобильных! Но меня пугает не это, а скорее то, что в эпоху высоких технологий люди по-прежнему способны на убийства и ненависть, как и сто, и тысячу лет назад. Меня пугает, например, что технологии используются в религиозных войнах.

Есть ли, на ваш взгляд, какой-то предел, перед которым науке следует остановиться?

Задача науки — исследовать, пытаться понять суть вещей. Люди все еще нуждаются в изобретении лекарств от рака и СПИДа. Если бы не Пастер, мы бы не знали про пенициллин... Проблема в том, где обозначить границу, через которую нельзя переступать. Я думаю, не надо замахиваться на то, чтобы самим создавать жизнь — это самый натуральный и самый загадочный из всех процессов. К чему бежать впереди природы? Вот единственная вещь, которую стоило бы ограничить. Помните, когда клонировали овцу, в организме клона началось ускоренное старение? Подобные эксперименты приводят к последствиям, которые мы не можем контролировать. Возможно, забавно было бы вырастить точную копию себя самого, но, если это будет самостоятельная личность, однажды ей захочется убить вас: просто из зависти, что вы оригинал, а она — копия.

Ваш персонаж переступает через границу того, что бы вы могли пойти из-за сильного чувства?

Я очень импульсивный человек, поэтому думаю, что ради любви пошел бы на что угодно. Настоящая любовь — это отношения, в которых нет границ, нет ничего невозможного. И для меня это самая важная вещь в мире.

► СТР 13

«Идеал не бывает интересен. Если режиссер ищет кого-то для фильма, ему надо, чтобы актер обладал уникальной внешностью; но это значит также, что этот актер — уникальная личность»

Актер Кристофер Ламберт — Газете

“ради любви пошел бы на что угодно”

Кристофер Ламберт — Газете

401 СТР

Как работалось с Настасьей Кински?

Грандиозно. Она посвящает всю себя роли, и это так не похоже на мой стиль работы! Я из актеров, которые после команды «снято!» становятся самими собой. Она — из тех, кто полностью преобразуется на весь период съемок. Она остается в образе, живет в нем три месяца, и это — очень сильные переживания. Я-то люблю быстро снимать и надевать шкуру своего героя, и в этом вижу вызов, люблю пересекать границу между кино и реальностью как можно чаще. Она — наоборот, и видно, что подобная самоотдача ранит ее. Она — из тех, кто проходит через перевоплощение, как через муку ради очищения. Я же получаю удовольствие от подобного процесса, даже если по сценарию моему персонажу крепко достается! (Смеется.) Кстати, я никогда не встречался с Клаусом Кински, но по его фильмам можно видеть, что его манера игры была такой же — чрезвычайно интенсивной, с глубоким погружением в роль. Посмотрите хотя бы «Агирре, гнев божий». Не знаю, учил ли он ее каким-то секретам профессии, но сразу видно, что они — отец и дочь.

Число ваших картин, снятых на английском, примерно равно числу тех, где вы говорите по-французски. Какая культура вам ближе?

Давайте посмотрим... Я родился в Нью-Йорке, в семье дипломата. Рос в Швейцарии, пять лет провел в Париже, четыре — в Лондоне, два — в Италии, последние пятнадцать лет разъезжаю между Канадой и США. Не знаю, можно ли назвать меня гражданином мира, но могу сказать, что я международный актер. Но ведь и шоу-бизнес давно стал международной индустрией, в которой нет границ. Сейчас, если какой-то художник — француз, это не означает, что его картины лучше всего будут продаваться во Франции. Скорее наоборот! (Смеется.) Я снимал фильм в Италии, и, кроме меня, ни один человек на съемочной площадке не говорил по-английски. В наши дни возможно и не такое. Для меня главное — хороший сценарий, а в какой стране его будут ставить, мне все равно.

В каких международных проектах вы заняты сейчас?

Я снимаюсь в фильме «День гнева», съемки проходят в Будапеште, но речь идет о Средних веках, о расцвете инквизиции — очень мрачное кино, эдакий религиозный боевик. Затем я буду играть главную роль в фильме «Заяц»: очень интересная история о человеке, который вышел из тюрьмы, и по пути в город через лес машина, которая подвозит его, сбивает зайца. Он останавливается, идет посмотреть, что стало со зверьком, и, когда заходит в лес, уже не возвращается обратно к цивилизации. Это что-то вроде притчи о «зове природы», так что заяц там играет роль магического проводника в мир леса. По стилю похоже на повесть Иеремии Джонсона и Форреста Гампа. Главный герой — очень наивное существо с гипертрофированным воображением.

Бывало ли так, что вас, с вашей характерной внешностью, приглашали сниматься в фильмах именно из-за внешних данных, а ваши актерские способности никто не интересовали?

Я глубоко убежден, что есть связь между одним и другим, между внешностью и актерскими способностями. То, как вы выглядите, отражает ваш характер, воспитание, переживания, через которые вы прошли. Люди с внешностью идеальных моделей редко становятся хорошими актерами. Идеал не бывает интересен. Если режиссер ищет кого-то для фильма, ему надо, чтобы актер обладал уникальной внешностью; но это значит также, что этот актер — уникальная личность со своими достоинствами и недостатками. Хороший режиссер ищет не хорошего актера, а выдающуюся личность.

Что вы думаете о модной тенденции приглашать актеров на роль мультипликационных персонажей? Хотели бы сняться в мультфильме?

Это было бы интересно, но мультфильм мультфильму рознь. Эдди Мерфи в роли Осли в «Шреке» неповторим, без его участия этот персонаж был бы другим и, скорее всего, был бы не так хорош. Или Антонио Бандерас — я не могу вообразить никого другого в роли Кота в сапогах. Но вот, например, когда Роберта Де Ниро приглашают играть акулу-мафиози в «Подводной братве», такого взаимодействия не получается: вместо него эту роль мог бы озвучить кто угодно. Так что здесь, как и в обычном кино, все зависит от таланта режиссера и от качества сценария.

Какой из своих фильмов вы любите больше всего?

Не знаю, честно говоря. Я никогда не думаю о каком-то из фильмов, что вот, мол, «это мой лучший фильм». Я снимался в плохих картинах, в очень плохих картинах, и я знаю это. Но я обычно оцениваю не фильм в целом, а свою роль, свое участие в съемках. С этой точки зрения, пожалуй, я больше всего люблю работу над «Подземкой» (невероятное приключение!), над итальянским фильмом «Нирвана». Отлично работалось при съемках короткометражки под названием «Гидеон», где я играл персонажа с отставанием в развитии. Я получаю огромное удовольствие от самого участия в картине, от перевоплощения и игры. Я не оцениваю свои картины — я предоставляю это публике.

газета

голова с плеч

47-летний французский американец Кристофер Ламберт — он же Кристоф Ламбер — известен, прежде всего, по роли шотландского бессмертного воителя из тетралогии «Горец» (1986—2000 годы). Он успел сняться в США и в более «трэшевых» проектах — экранизации компьютерной игры «Смертельная битва» (1995) или кибер-триллере «Беоульф» (именно этот фильм 1999 года в российском прокате получил курьезное название «Биоволк»). Однако ценители авторского кино лучше знают Ламбера-Ламберта по роли бродяги и рок-менеджера из «Подземки» (1985) Люка Бессона и предшественника «матричного» Нео из «Нирваны» (1997) итальянца Габриэле Сальватореса.

Кристофер Ламберт: «Я снимался в плохих картинах, в очень плохих картинах, и я знаю это»

Фотограф: Франк Вильягра/Газета